

Лейб-гвардии жандармский полуэскадрон, жандармский полуэскадрон при штабе Варшавского военного округа, жандармские команды, состоявшие при штабах военных округов, выполняли функции военной полиции в гвардии и армии, подчинялись Командующему войсками округа, а в кадровом аспекте – шефу жандармов.

ЖПУ ж. д. также организационно входили в состав Корпуса жандармов, но по существу находились в подчинении не шефа жандармов, а Министра путей сообщения и инспекции железных дорог.

В апреле 1866 г. личный состав Корпуса жандармов насчитывал 12 генералов, 140 штаб- и 324 обер-офицеров, 2 231 унтер-офицера, 3 592 рядовых, 761 «нестроевых», 16 трубачей и 2 072 лошади.

Надо отметить, что сложившаяся децентрализация управления структурами Корпуса жандармов как главного исполнительного органа, обеспечивающего государственную безопасность, не содействовала адекватному реагированию на новые вызовы и угрозы. В этой обстановке П.А. Шувалов при поддержке Александра II начал предпринимать меры по концентрации управления структурами Корпуса жандармов в своих руках. Одним из первых его шагов было подчинение Варшавского и Кавказского жандармских округов. На основании докладов П.А. Шувалова Александр II с января 1867 г. эти округа были полностью подчинены шефу жандармов.

Почти одновременно с преобразованием Варшавского и Кавказского жандармских округов и подчинением их шефу жандармов происходит реорганизация ЖПУ ж. д. В декабре 1866 г. на ЖПУ ж. д. были возложены наблюдательные обязанности (функции политической полиции), а сами ЖПУ ж. д., находившиеся до этого в подчинении инспекции железных дорог и Министра путей сообщения, были изъяты из их ведения и подчинены шефу жандармов.

Следующая реорганизация, осуществленная П.А. Шуваловым, была направлена на улучшение качественной составляющей системы управления и усиление наблюдательной (политический розыск) функции в деятельности жандармских структур. 9 сентября 1867 г. Александр II утверждает представленное П.А. Шуваловым Положение о Корпусе жандармов. С принятием этого положения упразднились пять из восьми ранее существовавших жандармских округов. Вместо управлений жандармских штаб-офицеров, входивших в состав округов, создавалось 56 губернских жандармских управлений. Был увеличен наблюдательный состав Корпуса жандармов на 40 офицеров (до 71 офицера в должности помощника начальника губернского жандармского управления) и на 776 унтер-офицеров (до 962 унтер-офицеров), которые размещались по уездам. Упразднилось 57 из 70 жандармских команд, оставшиеся сохранялись в уменьшенном составе. Увеличивался штат штаба Корпуса жандармов и повышалось денежное содержание жандармских управлений. В целом численность Корпуса была сокращена на 48 генералов и офицеров, 10 чиновников и 1 244 рядовых чинов.

В соответствии с Положением о корпусе жандармов в него входили: Главное управление Корпуса (Штаб корпуса жандармов); управления Варшавского, Кавказского и Сибирского округов; жандармское управление Московской губернии; 10 губернских жандармских управлений 1-й категории; 45 губернских жандармских управлений 2-й категории; 50 уездных жандармских управлений шести губерний Северо-Западного края; наблюдательный состав Корпуса; Санкт-Петербургский и Московский жандармские дивизионы; 13 конных жандармских команд для городов: Вильно, Гельсингфорса, Иркутска, Казани, Киева, Кронштадта, Нижнего Новгорода, Одессы, Омска, Риги, Саратова, Харькова и Царского Села; полицейские управления железных дорог.

Основной структурной единицей становились губернские жандармские управления, которым подчинялись все жандармские части и чины, находившиеся в губернии, за исключением столичных жандармских дивизионов, непосредственно подчинявшихся начальнику штаба Корпуса. В соответствии с п. 26 Положения на губернские жандармские управления, наблюдательный состав Корпуса, уездные жандармские управления были возложены обязанности только наблюдательные, «содействуя, впрочем, к восстановлению нарушенного порядка только в таком случае, когда будут приглашены к тому местными властями...».

Таким образом, осуществленное в 60-х гг. XIX в. реформирование Корпуса жандармов, которое заключалось в концентрации функций по обеспечению государственной безопасности в одном органе, централизации управления структурными подразделениями корпуса, создании структур, ориентированных на выполнение функций политической полиции, и частичный отказ от реализации функций общей полиции позволило создать адекватный существовавшим вызовам и угрозам государственной безопасности орган власти.

УДК 340.1

В.И. Павлов

РЕЦЕПЦИЯ ПРАВА ЧЕХИИ В ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО, РУССКОГО И ЖЕМОЙТСКОГО

Многие правовые положения, закрепленные в Статутах Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского (далее – ВКЛ), имеют общеславянскую правовую основу, так как развились из общего правового сознания славян, сформировавшегося в рамках древнего обычного права. Ряд правовых институтов, сформулированных в Статутах ВКЛ, которые развиты из общего древнерусского права (круговая порука, сок, гонение следа, ответственность общины и др.) были известны и в средневековом праве Чехии в самый ранний период. Средневековое чешское право как система славянского права относительно правовых систем восточных славян выступило источником рецепции прежде всего по причинам культурно-исторического характера.

Уже в 1348 г. в Праге императором Карлом IV на основании буллы римского папы Климента VI 1347 г. был открыт один из первых университетов в Центральной Европе – Карлов университет с юридическим факультетом. В университете по об-

разцу Парижского университета все нации были разделены на четыре группы, в том числе была выделена и польская нация, в которую входили и подданные ВКЛ. Формально в университете могли обучаться только лица римско-католического вероисповедания. Королева Ядвига в 1397 г. для обучения в Карловом университете за свой счет основала в Праге коллегиум для студентов-выходцев из ВКЛ.

Учитывая теснейшие связи Чехии с Коронай Польской в XIV–XV вв., их общую славянскую культурную основу, в данный период чешский язык начинает проникать в польскую культуру в обиход королевского двора и становится придворным языком, вытесняя латынь. Чешский актовый язык, язык юридической терминологии и делопроизводства, окончательно сложился уже к концу XIII в. Знаменитый чешский историк права Г. Иречек отмечал, что русские переводы польского источника права – Вислицкого Статута 1347 г. (Малопольского Статута) каштеляном Холмским Ванеком Кердеевичем выполнялись не только с латинского, но и с чешского варианта Статута.

Древний славянский юридический язык и терминологический аппарат еще времен Русской Правды, использовавшийся в юридической практике ВКЛ, по мере развития государства не мог удовлетворять потребностям правового регулирования. Тем более, что в условиях угрозы утраты идентичности в ВКЛ, связанной с тесными контактами с Коронай Польской, в правотворческой деятельности княжества очень ярко отмечался принцип сохранения старины, что касалось в том числе и юридического языка правовых актов, выраженных в них юридических конструкций. Вместе с тем, начиная с конца XIV столетия, в союзе с Польшей и под ее активным влиянием в ВКЛ начинается постепенное проникновение новой юридической терминологии.

Для обогащения собственно славянской термино-правовой основы в ВКЛ союзная Польша, сама находившаяся под сильным влиянием средневековой латыни, не могла помочь. Активное влияние польского языка начинается в ВКЛ только после Люблинской унии. До этого момента сама Корона, несмотря на обилие средневековой латыни в польском юридическом делопроизводстве, находилась под воздействием прогрессивной чешской правовой терминологии, что связано с более высоким уровнем развития чешской правовой доктрины. Это же влияние чешского правового материала имело место и в ВКЛ.

Рецепция чешского права и чешской правовой терминологии в право ВКЛ осуществлялась двумя путями: непосредственно (из самих чешских источников права) и опосредованно (через польское право).

Наиболее часто используемыми в процессе рецепции источниками чешского права, применявшиеся при разработке правовых актов ВКЛ, в основном Статутов ВКЛ, являются следующие: «Statuta ducis Ottonis» (начало XIII в.); «Kniha starého pána z Rozenberka» (1320–1330); «Řád práva zemského» («Ordo iudicii terrae») (XIV в.); «Majestas Carolina» («Statuta zemská») (XIV в.); «Vyklad práva českého Pana Ondřeje z Dubé» (1395); «O právích země české Viktorina ze Všehrd» (конец XV в.); «Zřízení zemské z r. 1550» (1530, 1549).

Среди данных источников чешского права особенно стоит выделить «Majestas Carolina» («Statuta zemská»), знаменитый тем, что в его составлении принимал участие известный постгlossатор итальянский юрист Бартоло де Сассоферрато (Bartholus de Saxo Ferrato), в 1347 г. приглашенный королем Карлом IV для этой работы. Несмотря на то что сейм не принял данный сборник в качестве источника официального права Чехии, тем не менее на протяжении XIV–XV вв. многие нормы «Majestas Carolina» фактически приобрели силу официального права, на них ссылались в своих решениях суды так же, как на «Земские законы» («Statuta zemská»). Ряд правовых норм и терминология этого источника права были реципированы и в право ВКЛ.

Впервые влияние чешской правовой терминологии встречается в переводе польского источника права на официальный язык ВКЛ – Статут Ягайло 1420–1423 гг., в котором используются юридические термины, заимствованные из чешской правовой терминологии, преимущественно из Řáda práva zemského XIV в., содержащего нормы процессуального права. Это такие термины, как «речник» (řečník – защитник в суде, Řád práva zemského § 2–4), «повод» (póvod – истец, Řád práva zemského § 3), «супор», «коморник», «памятное» и другие юридические термины, смысл которых без обращения к источнику чешского права уяснить сложно. Эти же заимствованные чешские правовые термины позже были включены и в Статуты ВКЛ.

В Судебнике Казимира 1468 г. также можно обнаружить влияние чешской правовой терминологии, хотя в данном источнике права ВКЛ было еще сильно влияние и юридической терминологии Русской Правды.

Влияние чешской правовой традиции на правовую систему ВКЛ наиболее отчетливо прослеживается в Статутах ВКЛ. Г. Иречек высказывал восхищение, что ВКЛ, несмотря на сближение в XIV в. с Коронай Польской и с усилением влияния польского права, тем не менее продолжала составлять свои источники права «písmem guským». Историк права также на основании анализа терминологии Статута ВКЛ 1529 г. и выявления обилия использования в нем чешской лексики полагал, что в составлении памятника права либо принимал участие чешский правовед, либо «литвин», который прекрасно владел чешской правовой терминологией. Статут ВКЛ 1529 г., полагал Г. Иречек, «psán jest právníckým slohem českým», в подтверждение приводя примеры из ст. 8 разд. I, ст. 1 разд. VI, ст. 1 разд. X Статута и других статей.

Таким образом, следует отметить, что правовая система ВКЛ представляет собой достаточно сложный нормативный комплекс, вобравший в себя элементы не только древнего общего восточнославянского права, в том числе в их развитии и совершенствовании, не только право Польши, о чем традиционно говорят исследователи, но и право римско-католической Чехии, которое представляло собой один из лучших образцов средневекового права. Следует также учитывать, что интерес к чешской правовой культуре у правоведов ВКЛ был обусловлен гусистским движением в Чехии XV в., которое несло в себе элементы антикатолической идеологии и одновременно содержало идеи возврата к древнеславянским культурным истокам. Иероним Пражский, профессор Карлова и Оксфордского университетов, соратник Яна Гуса, позже сожженный инквизицией на костре, пытался найти среди элиты ВКЛ поддержку против римско-католической церкви. В 1413 г. по приглашению Витовта Иероним Пражский посетил Витебск, где нашел взаимопонимание с местным православным духовенством, в чем можно усмотреть определенное единство позиций представителей обоих народов относительно поиска истоков и возможности возврата к общеславянской идентичности.